

Вэй Тяньюй, который и сам восстанавливался после ранения, проявлял невероятное терпение. Лэй Хунфэй же метался как муравей на раскалённой сковороде. Он скоро должен был вернуться в часть, но до сих пор не мог даже поговорить с Лин Цзыханем.

Вэй Тяньюй знал, что Лэй Хунфэй — друг Лин Цзыханя с детства и его бывший возлюбленный, отношения с которым длились шесть лет. Теперь и Лэй Хунфэй узнал, что Вэй Тяньюй — боевой товарищ Лин Цзыханя и его нынешняя любовь. Бывший и нынешний собрались вместе, но им было не до выяснения, кто из них ближе. Их объединяла одна мысль: неважно кто, лишь бы он смог пробудить его. Лишь бы сознание вернулось, и он начал поправляться. Тогда он волен выбирать, кого любить.

Однако Лин Цзыхань не смотрел ни на кого, не слышал ничьих слов, словно его сознание всё ещё блуждало в тумане, отказываясь вернуться.

Раны Вэй Тяньюя понемногу заживали, нога ещё не совсем слушалась, но он каждый день приходил из своей палаты и садился у кровати Лин Цзыханя.

Лэй Хунфэй уже слышал от Нин Цзюэфэя, что в критический момент именно Вэй Тяньюй своим телом прикрыл Лин Цзыханя, иначе тот вряд ли выжил бы. Даже если Вэй Тяньюй был его соперником, Лэй Хунфэй испытывал к нему безмерную благодарность.

Они часто сидели по разные стороны одной кровати, но почти не разговаривали. Работу обсуждать было нельзя, общих бытовых тем не находилось, а говорить о Лин Цзыхане оба старались избегать. Поэтому чаще всего они молчали.

Иногда, когда врачи приходили на осмотр или процедуры, им приходилось выходить в коридор. Глядя в окно на кипящую за стеклом жизнь, они глубоко дышали, с трудом сдерживая тревогу.

Лэй Хунфэй не мог позволить себе такую свободу, как Вэй Тяньюй. Его ежедневные визиты в больницу в конце концов заметили родители.

Однажды утром, позавтракав дома, он отодвинул тарелку и собрался уходить, но Цзян Юйлань остановила его. Эта строгая женщина, занимавшая пост в Министерстве культуры, держала дом в ежовых рукавицах. Лэй Чжэнь, её муж, был классическим «подкаблучником», что уж говорить о Лэй Хунфэе. Услышав мамин голос, он тут же замер.

Цзян Юйлань пристально его оглядела:

— Ты в последнее время сам не свой. Чем занят?

Лэй Хунфэй замялся:

— Ну... Цзыхань заболел, я навещаю его в больнице.

— Заболел? Чем? — с участием спросила Цзян Юйлань. — Неужели опять? У парня и без того слабое здоровье, вечно хворает.

— А... это... — Лэй Хунфэй долго думал, но так и не придумал болезнь, и повторил старую версию. — Попал в аварию, его сбила машина. Травмы серьёзные.

Лэй Чжэнь, до этого молча евший, поддержал сына:

— Да, Цзыхань попал в аварию, до сих пор в больнице.

— А, — Цзян Юйланы успокоилась. — Но не нужно же ходить каждый день. А к Юй Цин ты заходил?

— Пару раз заходил, меня выгнали, — равнодушно ответил Лэй Хунфэй. — Она не хочет меня видеть.

— Не хочет? Девушке просто хочется, чтобы её приласкали, успокой её — и всё, — нахмурилась Цзян Юйланы. — Вы вместе уже почти два года, а всё как в начале. Вы вообще встречаетесь?

Лэй Хунфэй чувствовал себя растерянным, долго колебался, но наконец собрался с духом:

— Я хочу с ней расстаться. У нас нет ничего общего, она меня раздражает, и я не хочу больше быть обузой.

— Расстаться? — Цзян Юйланы грохнула ладонью по столу. — О чём ты? Всё было хорошо, что с тобой стряслось? Опять к Цзыханю потянуло? Говорю тебе, я категорически против. Другими — пожалуйста, любовниками — никогда, о браке и речи быть не может. Что за времена настали? Чувства и браки противоестественные, а столько народу за ними гоняется. Будь ты чужой, я бы и слова не сказала, но ты мой сын, и я не позволю тебе позориться.

— Мама, — раздражённо сказал Лэй Хунфэй. — В каком веке мы живём? Двести лет назад китайки вообще не могли работать, должны были сидеть дома, вышивать, рожать и по хозяйству управляться. Сто лет назад вдову, вышедшую замуж повторно, презирали. А сейчас всё это в порядке вещей. Да, полвека назад гомосексуализм считался позором, но это уже древность. Сейчас, и по закону, и по человеческим понятиям, чувства между людьми одного пола — дело обычное. Даже если я люблю мужчин, я могу завести детей, делать карьеру — никаких проблем. Лун Цянь и Хайян ведь поженились? Их родители и начальство их поддержали, карьера у них идёт в гору, сына родили — семьи Лун и Чжан на седьмом небе. Почему для меня всё так сложно?

— Ты ещё и спорить вздумал? — Цзян Юйланы рассвирепела. — Что, вырос, можешь мне перечить? Ты столько времени с Юй Цин провёл, и всё было хорошо. Это доказывает, что ты не гомосексуалист, зачем тебе в это болото лезть? Почему бы не жить нормально?

Лэй Хунфэй не знал, смеяться ему или плакать:

— Мама, любить человека своего пола так же нормально, как и противоположного. Это как кто-то любит острое, а кто-то сладкое. Вкусы разные, но ни то ни другое не ненормально.

— Философствовать вздумал, — усмехнулась Цзян Юйланы. — Оставим в стороне вопрос о поле. Чем Цзыхань поможет твоей карьере? Лин И, конечно, на высоком посту, но он разведчик, а это значит — темнота, хитрость, тайны. Нормальные люди от таких шарахаются. Сам Цзыхань карьеры не строит, целыми днями без дела слоняется, будущего не видно. Что ты с такого получишь? Короче, я категорически против.

Лэй Хунфэй охватило раздражение, но он не мог раскрыть истинную сущность Лин Цзыханя. Он тяжело вздохнул и уклончиво сказал:

— Обсудим позже. Когда Цзыхань поправится, всё уладится.

Лэй Чжэнь, видя, что сын собирается уходить, поднялся:

— Хунфэй, я с тобой.

Цзян Юйланы, услышав это, больше не стала удерживать сына, только сердито фыркнула и продолжила есть.

Едва они вышли за ворота виллы, Лэй Чжэнь сказал:

— Хунфэй, мама отчасти права. Цзыхань действительно хороший парень, но в его нынешнем состоянии он вряд ли сможет тебе помочь.

Лэй Хунфэй почувствовал неприязнь:

— Папа, чувства — не сделка. Вы всё твердите, что брак должен быть выгоден обеим сторонам, и это звучит мерзко. Я следовал маминим советам и теперь горько жалею. Понимаю, что для карьеры связи нужны, не спорю, но зачем в это чувства вплетать? Честно говоря, если не смогу быть с Цзыханем, я больше ни с кем не буду и не женюсь. Решайте, как хотите. — Его лицо было серьёзным, это не была пустая угроза.

Лэй Чжэнь помолчал, затем похлопал его по плечу:

— Сын, ты ещё слишком наивен. Тебе нужно хорошенько подумать. Открою тебе секрет: тебя скоро повысят до полковника и переведут в Отдел специальных операций Министерства обороны на должность заместителя начальника. Ты в шаге от генерала, но этот шаг некоторые не могут сделать всю жизнь. Тебе нужно во всём взвешивать, не действовать сгоряча. Что бы родители ни делали и ни говорили — всё для твоего блага.

<http://bllate.org/book/16287/1468763>